

УДК 101.8, 616.89

Исследования мышления при аутизме: когнитивный и философский подходы¹

Косилова Е.В.

*Косилова Елена Владимировна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, философский факультет
implicatio@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме междисциплинарного взаимодействия философии и когнитивной психологии. На примере когнитивных исследований психических болезней (аутизм) продемонстрирован экспериментальный когнитивный подход, целью которого является выявление корреляций между психическими нарушениями, но не осмысление полученных данных и не приведение их в систему, основой которой служило бы некоторое первичное нарушение. Критика когнитивных исследований также дана в аспекте неточности употребляемых терминов и не полной убедительности выводов. Задачами философского подхода являются: а) эвристическое формулирование гипотезы для экспериментального исследования; б) осмысление ("понимание", по Ясперсу) полученных данных в их связи и приведение их в логичную систему; в) постановка вопроса о первичном нарушении; г) уточнение терминов и "критика со стороны" когнитивного подхода в аспекте используемой выборки, логичности выводов и др.; д) помещение полученных данных в общепhilosophические представления о природе человеческого мышления. Также, с привлечением материала аутизма, анализируется модель психики с центральным управлением и без него. Общим выводом статьи является демонстрация возможности продуктивного междисциплинарного взаимодействия между философией и когнитивной психологией.

Ключевые слова: когнитивная психология, философия, междисциплинарное взаимодействие, психическая болезнь, аутизм, шизофрения

Elena. V. Kosilova

*Lomonosow Moscow state university, faculty of philosophy, lecturer, PhD,
119991, Moscow, Lomonosow av., 27-4.*

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РФНФ грант № 15-03-00820а

Exploring of the reasoning in autistic disorders: cognitive and philosophical approaches

The paper deals with the problem of cross-disciplinary cooperation between philosophy and cognitive psychology. The experimental cognitive approach is demonstrated via examples of cognitive investigations of mental disorders (autism). It is shown that this approach aims to find correlations between symptoms of a mental disorder, but not to systemize them into a pattern with some primary disorder as a base. Cognitive approach is also criticized from the point of inaccuracy of the terms used, and of lack of conclusions' persuasion. Thus, the tasks of philosophical approach are: a) heuristic formulation of a hypothesis for further investigations; b) understanding (in Jaspers' terms) of the data received, arranging them into a reasonable system; c) formulating of the question of a primary deficiency; d) making the terms more precise and a "critic from outside" of the cognitive approach in the cases of the sampling used, the accuracy of conclusions etc., e) using the data for the development of general philosophical conceptualizations of human reasoning. The models of mentality with the central management and those without it are also analyzed in the paper, using the data about autistic disorder. The author concludes that the efficient cross-disciplinary cooperation between philosophy and cognitive psychology is possible and productive.

Key words: cognitive psychology, philosophy, cross-disciplinary cooperation, mental disorder, autism, schizophrenia

Данная статья посвящена сравнению психологического (когнитивного в сочетании с психопатологическим) и философского, феноменологического подходов к исследованию психической болезни на примере аутизма. Вопрос, который я буду решать на протяжении всей статьи – каковы возможности и ограничения того и другого подходов и какова возможность взаимодействия между ними. Последнее представляет трудную проблему. Психология – когнитивная или патопсихология – это эмпирическая наука, экспериментально исследующая болезненные феномены и описывающая их, насколько возможно, объективно. Философия, в том числе феноменологическая – не экспериментальная наука, она рассуждает о своем предмете с точки зрения его смысла, его понимания, логики его появления и развития. Что психическая болезнь может быть предметом философского исследования, в последнее время не представляет сомнения (Фрейд, Ясперс,

Фуко, Делез, Лэйнг, Савенко, Бурно, Никольская). Можно подумать, что это продуктивное поле для междисциплинарных исследований.

Однако между экспериментальным исследованием и философским рассуждением все-таки лежит пропасть, и на этот факт нельзя закрывать глаза. Ниже я постараюсь обосновать и принципиальную разницу экспериментального и философского подходов и роль каждого из них в их достаточно проблематичном взаимодействии.

Под когнитивными исследованиями психопатологических синдромов, таких как аутизм, мы будем понимать исследования речи и мышления больных - как при помощи тестов, опросников и интервью, так и методами наблюдения, анализа текстов и психофизиологическими методами (фМРТ). Когнитивные исследования психопатологических феноменов ведутся как в рамках патопсихологии, с целью получить объемную картину заболевания, так и в рамках общей когнитивной науки, с целью получить новые данные о мышлении вообще.

Под философским подходом мы будем понимать феноменологическое описание симптомов болезни с попыткой понять их смысл и провести между ними смысловое соответствие, описать их в системе и предположить, какие нарушения являются исходными и первичными, а какие – их следствием.

1. Аутизм. Разница между двумя типами аутизма.

Впервые понятие аутизма было введено О. Блейлером в начале XX века в применении к особенностям состояния при шизофрении. В этом смысле аутизм – это погруженность в себя, вплоть до полной невозможности контакта с больным. Следует специально отметить, что шизофренический аутизм, как и сама шизофрения, обычно начинается в молодом или, реже, среднем возрасте, но не в детстве. Психика больных к моменту начала заболевания сформирована и лишь может подвергаться определенному типу регресса [Кляйн, 1998]. В частности, считается (со времен классических работ Блейлера), что мышление теряет логичность, связность, появляется беспорядочность мышления. Она отражается также в речи, что получило специальное название шизафазия (иногда "шизофазия"). Далее мы будем называть такой тип аутизма шизофреническим.

По некоторому нозологическому недоразумению точно такое же название, аутизм, имеет совсем другое психопатологическое состояние, а именно ранний детский, или первичный аутизм (далее РДА). Это врожденная и в значительной мере наследственная патология, которая проявляется с самых ранних стадий развития младенца и заключается в отсутствии

контакта между ним и его социальным окружением, в первую очередь с матерью, что приводит впоследствии к глубоким отклонениям во всем развитии субъекта. При РДА отсутствует взгляд в глаза матери, характерный для нормотипических младенцев [Сергиенко, 2009]. В норме на основе взгляда в глаза матери у младенца формируется так называемое "совместное внимание" (shared attention), причем ведущую роль в этом играет указательный жест матери, который младенец прослеживает. Далее развитие происходит с участием речи. Весь диапазон означающих (указательный жест, взгляд матери на некий предмет, речь типа "вон там то-то и то-то" и типа "сейчас ты будешь делать то-то и то-то" способствуют формированию у нормотипического младенца потенциального горизонта означающих, на основе которого в дальнейшем он имеет возможность отвлечься от наличного здесь-и-теперь и наметить планы своих действий. Всего этого нет при первичном аутизме. Отсутствует любая коммуникация, будь то через жесты, взгляды или посредством слов. В случае глубокого аутизма субъект в течение всей своей жизни остается совершенно не социализирован, лишен возможности коммуникации и доступен лишь примитивному обучению по типу "стимул – реакция".

2. Когнитивные исследования шизофренического аутизма

Общая картина когнитивных нарушений при шизофреническом аутизме хорошо известна. Вкратце скажем, что характерны необычные ассоциации, в тестах – нестандартность классификаций, в речи – перескакивания с темы на тему, непонятность ответов на простые, казалось бы, вопросы, неологизмы и неорганизованность аргументации, вплоть до т.н. "словесной крошки" (другое название для шизафазии). Иногда при шизофреническом аутизме имеются также бредовые элементы и галлюцинации, чаще слуховые. Встречаются также симптомы "психического автоматизма": ощущение открытости мысли для посторонних, ощущение управления со стороны, дереализация / деперсонализация (утрата ощущения реальности мира и себя).

Помимо когнитивных, для шизофренического аутизма характерны социальные нарушения, вплоть до полного отказа от общения и погружения в мир фантазий и, если они есть, галлюцинаций.

В целом интеллект не страдает, и среди больных встречаются талантливые математики, художники и т.п. Зато для всех форм шизофрении характерны эмоционально-волевые нарушения, прежде всего – волевые. Повторяю, нарушений и особенностей при шизофреническом аутизме на самом деле гораздо больше [Зейгарник, 1982], здесь я привела только общую картину. Цель этого – показать разницу между психопатологическим и

философским (феноменологическим) подходом к исследованиям психической болезни. Используем эти классические наработки для постановки вопроса: как можно связать перечисленные нарушения в целостную картину? Фактически это уже сделано Лэйнгом [Лэйнг, 1995], я добавлю только несколько собственных соображений.

Итак, эмоционально-волевые нарушения, социальная самоизоляция, беспорядочность мысли, разорванность речи, "автоматизмы". Симптомы делятся для нас на понятные и непонятные. Тот, кто никогда не переживал деперсонализации, не может "понять" ее – не может ее вообразить, просто потому, что не знает, что надо вообразить. Однако это так только до тех пор, пока мы не ознакомились внимательно с описаниями, которые проделаны врачами, с записями самих больных о своем состоянии (в век социальных сетей много больных с аутизмом нашли в этих сетях приемлемую для них нишу общения, и можно многое почерпнуть из их самоописаний, хотя, конечно, в этом случае нельзя быть уверенными в их диагнозе). И тогда, при должном напряжении воображения и эмпатии, а также при навыке анализа собственных ментальных состояний, получается такая картина.

В основе всех нарушений и особенностей лежит глубинный дефект воли, "онтологическая незащитность", как называл это Лэйнг [Лэйнг, 1995]. Больные чувствуют себя беспомощными не просто перед другими людьми или перед необходимостью организовать жизнь – они беспомощны перед самим собственным бытием. Они отказываются от него вследствие своей гиперчувствительности. Отсюда сразу выводятся дефекты эмоциональной сферы, как и все социальные нарушения: понятно, что больной, чувствующий свою беспомощность даже перед взглядом Другого (Сартр), будет избегать общения и проявлять неадекватность. Эта же незащитность перед бытием порождает "автоматизмы", выражающиеся в том, что субъект отказывается от всякой свободы управления своим телом, ощущениями, эмоциями и мыслями. Он не может прочувствовать свою свободу, даже тогда, когда она на самом деле есть. И тогда он даже свои мысли не чувствует как свои – так появляются галлюцинации.

Теперь рассмотрим, как из дефекта воли вытекает типичная для больных разорванность, беспорядочность мышления и речи. Для этого надо проанализировать роль воли в организации мышления. И оказывается, что воля – это ресурс, который необходим для того, чтобы мысли были логичными и организованными, чтобы высказывание имело цель, имело адресата и логично ложилось в последовательность прошлых и будущих высказываний. В психологии есть понятие "полевое поведение" – это поведение без внутренней цели, всецело обусловленное внешними

стимулами. И вот, шизафазию можно сравнить с речевым полевым поведением: она не имеет цели, речь является выражением спонтанно возникающих мыслей, источником которых могут быть и внешние стимулы, и внутренний фантазийный мир субъекта [Косилова, 2014].

Уже на этом примере мы видим, что для классических, хорошо осмысленных болезненных феноменов психопатологический материал и его феноменологическое осмысление дополняют друг друга: философия позволяет ставить вопрос о связывании воедино разнородных на первый взгляд феноменов и выстраивать их в систему. Она же дает и четкие определения психопатологической терминологии, потому что, как ни странно, в отечественной психологии традиционно мало внимания уделяется определениям терминологии (а случай с двумя "разными аутизмами" показывает, что это характерно не только для отечественной науки, но даже для немецкой – и это при традиционной немецкой тщательности!)

Как необходимо проводить работу понимания и как мало внимания уделяется этому в обычной когнитивной психологии, я проиллюстрирую на примете двух современных статей, не называя авторов и журналы, лишь пересказывая содержание.

1. Исследовали выборку из 80 больных шизофренией (автор не сделал различия между параноидальной и простой формой) и контрольной группой 40 человек. Методами классификации карточек и подобными методами выявляли т.наз. "когнитивные стили" (ригидность, импульсивность, полезависимость и т.п.) и выявили значимые отличия между группой больных и контрольной группой. Статья богата цифрами и графиками. Но в ней нет даже попытки осмыслить полученный материал, сопоставить его с другими симптомами заболевания и т.п.

2. Еще одна статья, опубликованная в известном журнале. Исследовались корреляции между когнитивными и социальными нарушениями. Они были найдены и представлены, соответственно, в виде цифр и графиков. Более того, был даже поставлен вопрос о связи социальных нарушений с когнитивными, хотя никакой внятной связи проведено не было, за исключением констатации факта, что имеется корреляция. Совсем никуда не годится представленная в статье выборка больных, ибо авторы не то что не различали параноидную и простую формы шизофрении – они не отличали шизофренический аутизм от РДА!

Это две типичные статьи, продуцируемые когнитивной наукой. Когда читаешь подобные исследования, зачастую кажется, что их проводила та самая ЭВМ, на которой обсчитывались результаты, настолько мало *осмысленной информации* дают они уму и сердцу.

Я начала анализ когнитивного и феноменологического подходов с шизофренического аутизма, поскольку он намного лучше изучен, чем аутизм при РДА. Шизофрения как болезнь и как совокупность синдромов была нозологически выделена гораздо раньше и, как уже было сказано, этот тип аутизма уже был подвергнут феноменологическому анализу (Лэйнг), мое добавление состоит тут только в проведении связи между ресурсом воли и упорядоченностью мышления.

3. Когнитивные исследования РДА

Здесь мы опять встретимся с упрощенным "коррелятивным" подходом, не приведенными в систему описаниями симптомов и синдромов, и феноменологическим подходом, ставящим вопрос об осмысленном и систематичном понимании. Однако в английской школе изучения РДА (эта школа сама по себе является самой сильной и известной по этой теме) мы находим работы одной исследовательницы, Уты Фрит (немки по происхождению), которая ставит вопрос о "центральном нарушении". В этом смысле можно сказать, что она работает одновременно и как философ, и как исследователь-экспериментатор. Я не случайно упомянула национальность: философию в Германии изучают в средней школе. В этом случае у человека не может не быть философского мышления. Но Фрит и несколько ее учеников – исключение (я напишу про их стратегию несколько ниже), в целом же для английской школы характерен обычный когнитивный экспериментальный подход.

Итак, при РДА имеются следующие симптомы:

- гиперсензитивность на одном из каналов ощущений, на сегодняшний день установленная с помощью методик фМРТ [Frith U., Frith C.D., 2003]
- отсутствие социального контакта, у младенцев – отсутствие контакта с матерью, совместного внимания, прослеживания указательного жеста [Аппе, 2006; Baron-Cohen S. Et al, 1997; Сергиенко, 2008]
- отсутствие коммуникативной речи [Аппе, 2006, Никольская, 2008]
- отсутствие "theory of mind" – ("теория сознания" - неудачное название для способности встать на точку зрения другого человека) [Аппе, ср. Nurit Yirmiya et al., 1996]
- ригидность [Никольская, 2008].

Как мы можем расположить эти симптомы в осмысленный комплекс, найти среди них центральное нарушение и провести понятную связь от него к остальным симптомам?

Сначала я приведу в пример беспомощную попытку одного из исследователей-экспериментаторов проинтерпретировать данные, полученные им в эксперименте. В качестве исследуемой группы он использовал группу аутистов (высокофункциональных, т.е. без глубоких нарушений и доступных некоторому социальному контакту), а также здоровых мужчин и здоровых женщин. Первый шаг исследования состоял у него в том, чтобы исследовать с помощью самоопросника (не задач!) склонность к систематизации поступающей информации и к эмпатии. Предсказуемый результат состоял в том, что мужчины более склонны к систематизации, чем женщины, а женщины более способны к эмпатии, чем мужчины. На следующем шаге он провел то же исследование на аутистах и обнаружил, что аутисты обоих полов более склонны к систематизации и меньше к эмпатии, чем здоровые испытуемые. Из этого он делает вывод, что мозг аутистов имеет "супер-мужской" характер. Уже не говоря о многочисленных недостатках методики (использование самоопросников, значительное преобладание в группе аутистов мужчин, изучение фактически только одного из факторов (эмпатия нарушается при большинстве психически болезней, и никаких гендерных выводов сделать из этого нельзя)), результат этот никак не согласован с остальными симптомами аутизма и сам по себе не позволяет ничего понять. Более того, при столь свободном подходе можно легко получить обратный результат, если в качестве исследуемого фактора взять, скажем, инициативность, на здоровых испытуемых показать, что она ниже у женщин (самоопросник всегда можно составить нужным образом), на лицах с аутизмом показать, что у них ее вообще нет, и сделать вывод, что у них супер-женский мозг. А главное, что непонятно, что делать с обоими этими гипотетическими выводами. Я уделяю место вышеприведенной критике, чтобы показать, как часто на эмпирическом уровне встречается неаккуратность глобальных выводов, имеющих, несмотря на глобальность, мало смысла.

Теперь рассмотрим теорию аутизма Уты Фрит. Точнее, из нескольких, выдвинутых ею, рассмотрим гипотезу так называемого "центрального согласования" [Plaisted et al., 2003]. Предполагается, что имеется некоторый центр в мозге, в который стекается разнородная перцептивная информация и который "согласует", упорядочивает ее. Такая схема напоминает схему Дж. Фодора из "Модулярности сознания", в которой так же постулируется наличие центрального процессора, собирающего информацию и делающего ее осмысленной. Это остается всего лишь гипотезой, поскольку на сегодняшний день точно о наличии такого центра не известно. Но эта гипотеза вполне правдоподобна, если прибавить к ней еще несколько

модулей, прежде всего способность обращения к опыту, а во вторую очередь – способность постановки цели. Фрит рассматривает только согласование перцептивных данных и делает вывод, что при нарушении центрального согласования спектр когнитивных расстройств будет подобен наблюдаемому при аутизме. Попросту говоря, субъект без центрального перцептивного согласования не способен распознавать образы. Из такого хаотического состояния перцепции хорошо выводятся наблюдаемые при РДА монотонные самостимуляции, а уже из состояния ребенка, который находится в состоянии хаотичной перцепции и монотонной самостимуляции можно вывести торможение и даже остановку всего его дальнейшего развития, включая речь. Если же добавить сюда упомянутую выше доказанную гиперсензитивность его перцептивных каналов, то не удивительно, что он будет избегать и любых социальных контактов. После всего этого нас не будет удивлять отсутствие вообще чего угодно. Правда, таким способом не объяснишь наличие у многих аутистов особых способностей.

4. Проблема центрального управления

Рассмотрим проблему центрального управления более детально. Мы не будем ограничиваться перцепцией, как это делает Фрит, а проанализируем картину сознания с наличием центрального управления и без него. То и другое в принципе уже проделано в философии сознания – модель с центральным управлением общераспространена, а модель без него построил Д.Дэннет [Волков, 1978]. Без центрального перцептивного согласования Деннет, конечно, не мог бы обойтись, поскольку, как уже сказано, оно обеспечивает распознавание образов, однако затем эти образы вызывают присущие им ассоциации по закону стимул-реакция. Остальные мысли без управления текут хаотично (поток сознания), и поэтому Деннет называет их "набросками". Их судьбой ведает нечто вроде врожденного механизма эволюции – те, которые оказываются полезными, закрепляются в нейронах, остальные на уровне нейронов выбраковываются. Что такой механизм реально может работать, показывает в своих нейрофизиологических работах Дж. Эдельман [Edelman, 1978].

Эта упрощенная схема слабо работает в области целеполагания, проектирования, всего, что требует самоотношения. Само наличие "Я" Деннет объясняет свойствами речи – индивид повествует коллективу о себе, почти по Ницше. Но рефлексия, самоотношение и построение проектов – то, что Хайдеггер называет "вперед-себя-выступление" – такой простой схемой не объяснишь. Не отвечает она и на призывный вопрос Чалмерса, почему сознание вообще есть, почему сознательные процессы высших порядков идут

не в темноте. В нашем бытии достаточно процессов, которыми мозг управляет в полной темноте (работа центра дыхания, например), но высшие процессы требуют света. Что это за свет, откуда он берется? Я предполагаю, что светом проявляется себя самоотношение субъекта, его рефлексивная способность осмысления.

Скажем еще несколько слов о том, какую работу производит способность самоотношения. Но сначала надо постараться разобраться, откуда она берется. Я предполагаю, что первичным толчком к развитию множества способностей взрослого нормотипического индивида явился во младенчестве взгляд в глаза матери, прослеживание этого взгляда и затем прослеживание указательного жеста. И тогда мы можем сказать, что принципиально есть два пути развития. Всего этого комплекса "когнитивные отношения мать-дитя" (взгляд в глаза матери, затем прослеживание взгляда матери, затем прослеживание указательного жеста, затем конституирование интенционального предмета, затем соотнесения его с речью и собственными действиями) может не быть. Здесь неважно, по какой причине он отсутствует – из-за гиперсензитивности, которая тормозит любое взаимодействие, или из-за нарушения врожденного рефлекса взгляда в глаза, или из-за нарушения центрального согласования, которое не дает возможности распознать ни мать, ни ее жесты. Важно, что индивид один на один остается с хаотической предметностью, которая его окружает, и он вовлечен в неуправляемую перцепцию. Чтобы ее сделать более управляемой, он может использовать ритмичную монотонную самостимуляцию.

Если комплекс "когнитивные отношения мать-дитя" работает успешно, он позволяет вырваться из простой перцепции и из точки здесь-и-сейчас в мир потенциальности: жест имеет значение, но "не существует", не воспринимается сам по себе; открывается возможность деятельности, которая требует планирования, а это, иначе говоря, выход из перцепции в потенциальность, в данном случае – в будущее время. Во взаимодействии с матерью усваивается речь, которая формирует горизонт потенциальности посредством своей обобщающей способности [Косилова, 2016]. Столь обширное поле потенциального невозможно удержать без центрального управления, которое позволяет субъекту ориентироваться в собственных проектах.

Центральное управление – это не центральное согласование. Оно, как уже говорилось, не только собирает воедино данные перцепции, но и осуществляет целеполагание и самоотношение. Здесь мы вступаем в область свободы – той способности субъекта, которую не может изучать когнитивная наука, поскольку свободные акты не объемлются каузальными законами.

Возможность и даже необходимость свободы мышления показали Хайдеггер и Сартр. Без свободы не нужен свет сознания, ибо каузальные процессы идут в темноте. Их просто незачем освещать, это ничего не добавляет к их протеканию. Свет необходим для выбора, а выбор, который стоит перед нами – это прежде всего выбор себя, это самоотношение, а выбор себя – это, в сущности, выбор мысли. Когда есть выбор, какую мысль подумать, вот тогда включается этот свет сознания и рефлексии. Мы можем свободно выбирать, что думать (на основе ценностей, опыта, целей), но мы не можем свободно включить и выключить свет, потому что нельзя отказаться от свободы.

Есть ли у аутистов этот свет сознания, доступно ли им самоотношение? Напрямую этого узнать, конечно, нельзя. Но если ориентироваться на самоотчеты "высокофункциональных" аутистов и лиц с синдромом Аспергера (эти два синдрома близки между собой), а также на рассказы тех аутистов, которые со временем или в результате педагогической работы вышли на уровень речи, – там, в состоянии перцептивной вовлеченности, привычного нам самоотношения нет. Кстати мы начинаем понимать, какая трудная и болезненная вещь это самоотношение, как режет глаза этот свет сознания. Гиренок пишет в этой связи о "мизогинии" – о стремлении уйти от сознания, от свободы и от ответственности [Гиренок, 2010]. Разные люди применяют для этого разные способы. Например, таким способом может быть просмотр телевизора, компьютерные игры, алкоголизация. Все это способы уйти от самоотношения, то есть уйти от самого себя.

5. Вывод: взаимодействие когнитивной науки и философии

На примере исследований аутизма нам становится яснее проблема междисциплинарного взаимодействия когнитивной науки и философии. Прежде всего, философия служит генератором гипотез, как мы видели на примере гипотезы Уты Фрит о центральном согласовании, а также и на примере модели Фодора с центральным управлением и Деннета – без центрального управления. Кроме того, философия собирает найденные экспериментально феномены и корреляции в единое смысловое целое. Технической работой при этом является уточнение терминов и определений (это могли бы сделать и сами психологи, но приходится наблюдать иногда отсутствие этой их работы). Также, пользуясь нестандартными картинками мышления, например, шизофренического или аутистического, она уточняет выстраиваемые ею картины сознания нормотипических субъектов. Наконец, она приходит в свое естественное состояние и начинает ставить вопросы. Есть ли он, этот загадочный орган центрального согласования и управления,

и да, то что поможет нам его найти, а если нет, то какова природа света в высших проявлениях человеческой субъектности?

Литература:

Аппе, Ф. Введение в психологическую теорию аутизма. Москва: Теревинф, 2006

Волков, Д.Б. Теория сознания Д. Деннета : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. Москва, МГУ, 2008.

Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М., 2010.

Зейгарник Б.В. Психология личности: норма и патология. М, 1982

Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка. / Психоанализ в развитии: сборник переводов. Екатеринбург, 1998

Косилова Е.В. Взаимосвязь воли и разума в норме и патологии. Вестник Московского университета, сер. Философия, №5, 2014, сс.29-47.

Косилова Е.В. Феноменологический анализ роли Других в формировании горизонта потенциальности. Вопросы философии №1, 2016

Лэйнг Р.Д. (Лэнг Р.Д.) Расколотое "Я". Политика переживания. Райская птица. СПб: Белый кролик, 1995

Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. Москва: МГППУ, 2008.

Сергиенко Е.А. и др. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.

Baron-Cohen S. et al. Do Children with Autism Use the Speaker's Direction of Gaze Strategy to Crack the Code of Language? *Child Development*, February 1997, Volume 68, Number 1, Pages 48-57

Baron-Cohen S. et al. The systemizing quotient: an investigation of adults with Asperger syndrome or high-functioning autism, and normal sex differences. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*, Vol. 358, No. 1430, Autism: Mind and Brain (Feb. 28, 2003), pp. 361-374

Booth, R. et al. Disentangling weak coherence and executive dysfunction: planning drawing in autism and attention-deficit/hyperactivity disorder. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2003 Feb 28; 358(1430): 387–392

Edelman G. The Mindful Brain: Cortical Organization and the Group-selective Theory of Higher Brain Function. MIT Press, 1978

Fodor J.A. Modularity of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1983

Frith U., Frith C.D. Development and neurophysiology of mentalizing. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2003 Mar 29;358(1431):459-73.

Griffith E.M. et al. Disentangling weak coherence and executive dysfunction: planning drawing in autism and attention-deficit/hyperactivity disorder. *Child Development*, July/August 1999, Volume 70, Number 4, Pages 817-832

Nurit Yirmiya, Shulman C. Seriation, Conservation, and Theory of Mind Abilities in Individuals with Autism, Individuals with Mental Retardation, and Normally Developing Children. *Child Development*, Vol. 67, No. 5 (Oct., 1996), pp. 2045-2059

Plaisted K. Towards an understanding of the mechanisms of weak central coherence effects: experiments in visual configural learning and auditory perception. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*, Vol. 358, No. 1430, *Autism: Mind and Brain* (Feb. 28, 2003), pp. 375-386

References:

Appé, F. Vvedenie v psychologicheskuyu teoriyu autisma. Moscow, Terewinf, 2006. [Autism: An Introduction to Psychological Theory. Harvard University Press, 1995] (In Russ.)

Volkov D. Teoria soznania D. Dennetta. Dissertacia kandidata filosofskikh nauk [Dennett's theory of mind. PhD Dissertation. Moscow, 2008]

Girenok F. Autografia yazyka i soznania. Moskva, 2010 [Autography of Language and Mind. Moscow, 2010] (In Russ.)

Zeigarnik B.V. Psychologia lichnosti: norma i pathologia Moscow, 1982 [Psychology of personality: norm and pathology. M., 1982]. (In Russ.)

Klein M. Nekotorye teoreticheskie vyvody, kasayushiesya emozionalnoy zhizny rebenka. Ekaterinburg, 1998 [Some theoretical conclusions concerning emotional life of the child. Ekaterinburg, 1998] (In Russ.)

Kosilova E.V. Vzaimosvyaz' voli i razuma v norme I patologii. / Vestnik Moskovskogo Universiteta, seria Filosofova, 5, 2014, s. 29-47. [Connection between will and reason in norm and pathology. Moscow, 2014] (In Russ.)

Kosilova E.V. Fenomenologicheskii analiz roli Drugikh v formirovanii gorizonta potencialnosti. / Voprosy Filosofii, No 1, 2016. [Phenomenological analysis of role of the Others in the formation of horizon of potentiality. Moscow, 2016] (In Russ.)

Laing R. Rascolotoye Ya. Politika perezhivania, Raiskaya ptiza. Saint-Petersburg, 1995 [Divided Self. Politics of experience. Bird of Paradise. Saint-Petersburg, 1995] (In Russ.)

Nikolskaya O. Affectivnaya sfera kak Sistema smyslov, organizuyuschikh soznanie i povedenie. Moscow, 2008 [Affective sphere as a system of senses, which organize mind and behavior. Moscow, 2008] (In Russ.)

Sergienko E.A. Model sikhicheskogo v ontogeneze cheloveka. Moscow, 2009 [Theory of mind in human ontogenesis. Moscow, 2009] (In Russ.)

Baron-Cohen S. et al. Do Children with Autism Use the Speaker's Direction of Gaze Strategy to Crack the Code of Language? *Child Development*, February 1997, Volume 68, Number 1, Pages 48-57

Baron-Cohen S. et al. The systemizing quotient: an investigation of adults with Asperger syndrome or high-functioning autism, and normal sex differences. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*, Vol. 358, No. 1430, Autism: Mind and Brain (Feb. 28, 2003), pp. 361-374

Booth, R. et al. Disentangling weak coherence and executive dysfunction: planning drawing in autism and attention-deficit/hyperactivity disorder. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2003 Feb 28; 358(1430): 387–392

Edelman G. The Mindful Brain: Cortical Organization and the Group-selective Theory of Higher Brain Function. MIT Press, 1978

Fodor J.A. Modularity of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1983

Frith U., Frith C.D. Development and neurophysiology of mentalizing. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2003 Mar 29;358(1431):459-73.

Griffith E.M. et al. Disentangling weak coherence and executive dysfunction: planning drawing in autism and attention-deficit/hyperactivity disorder. *Child Development*, July/August 1999, Volume 70, Number 4, Pages 817-832

Nurit Yirmiya, Shulman C. Seriation, Conservation, and Theory of Mind Abilities in Individuals with Autism, Individuals with Mental Retardation, and Normally Developing Children. *Child Development*, Vol. 67, No. 5 (Oct., 1996), pp. 2045-2059

Plaisted K. Towards an understanding of the mechanisms of weak central coherence effects: experiments in visual configural learning and auditory perception. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*, Vol. 358, No. 1430, Autism: Mind and Brain (Feb. 28, 2003), pp. 375-386

Косилова Елена Владимировна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, философский факультет, сл.тел: +7-495-939-14-21

Elena Vladimirovna Kosilova

Lomonosow Moscow state university, faculty of philosophy, lecturer, PhD, 119991, Moscow, Lomonosow av., 27-4.

